

10

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русской в первый раз пред гибелю бежал,
Таков он был, когда с победным договором,
 И с миром, и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

(1824)

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежноложен,
В сырой земле и в яме неглубокой —
Там спит герой, друзья! — Наполеон!..
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..
Но вот полночь свинцовый свой покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребрила.
Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуждать,
Он арфу взял, запел, ударил в струны...
«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук мечей
Гремел, носился глас его священный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул военный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его хранить!
Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражался?
И скипетром стальной короны разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принужденный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами...
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум
.....
Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..
Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталою стопою
Идет рыбак брегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таша изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
.....
Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала...
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! — спеши отсюда прочь,—
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счаствия, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;—
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»

(1829)

Воздушный корабль

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И, молча, в открытые люки
Чугунные пушки глядят.
Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.
Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.
Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.
И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.
Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.
Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.
Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.
И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.
На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-grenадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знайным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:
Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.
Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджиная,
Стоит император один —
Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,
Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

(1840)

Последнее новоселье

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий

В изгнанье мрачном и цепях;

Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,

Гордится, прошлое забыв,—

Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:

Ты жалкий и пустой народ!

Ты жалок потому, что Вера, Слава, Гений,
Все, все великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих сомнений

Тобой растоптано в пыли.

Из Славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные, отцовские поверья

Ты им рубил, рубил с плеча;

Ты погибал! — и Он явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,

И ваша жизнь слилася в Нем;

И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы.

Которой вас Он одевал.

Один — Он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях Египетских, у стен покорной Вены,

В снегах пылающей Москвы!

А вы, что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную как бремя?

Точили в темноте кинжал?

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина Ему вы изменили

И как рабы вы предали Его.

Лишанный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец Он снял и бросил сам,
И вам оставил Он в залог родного сына —

Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой Скале, за синими морями,

Забытый, Он угас один —

Один,— замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —
И как простой солдат в плаще своем походном

Зарыт наемною рукой.

(1841)

* * *

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
«Он наш! Его теперь, великой жатвы семя,
«Зароем мы в спасенных Им стенах!»
— И возвратился Он на родину; — безумно,
Как прежде, вокруг Него теснятся и бегут,
И в пышный гроб, среди Столицы шумной,

Остатки тленные кладут.

Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя топчет их с самодовольным смехом

Толпа, дрожавшая пред Ним.

* * *

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг Того, Кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если Дух Вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах Его лежит,

Какое в Нем негодованье
При этом виде закипит!

Как будет Он жалеть, печалию томимый,
О знайном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил Его, как Он непобедимый,

Как Он великий, Океан!